

ПАМЯТЬ
В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ГОДА В МУЗЕЕ АННЫ АХМАТОВОЙ ПРЕДСТАВИЛИ КНИГУ, ВЫПУЩЕННУЮ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «ЛЕНИЗДАТ», — «ЗАПИСКИ ОСТАВШЕЙСЯ В ЖИВЫХ: БЛОКАДНЫЕ ДНЕВНИКИ ТАТЬЯНЫ ВЕЛИКОТНОЙ, ВЕРЫ БЕРХМАН, ИРИНЫ ЗЕЛЕНСКОЙ»

«Что случилось с душой, с людьми, с миром, со всеми нами?»

Это три петербурженки — ленинградки, из «бывших». Их судьбы оказались зажаты между двумя мировыми войнами. На Первой они служили сестрами милосердия. Вторую войну им пришлось застать в осажденном городе, лицом к лицу со смертью. Мы уже читали множество блокадных дневников. Но никогда их не бывает много, никогда мы не скажем, что уже достаточно хорошо поняли и осознали эту трагедию нашего города. Особенно в те моменты, когда стоны умирающих от голода заглушают победные звуки фанфар.

«ГДЕ ТЫ, МИРНЫЙ ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН?»

Татьяна Великотная писала в самую страшную зиму блокады: конец 1941-го — начало 1942-го. В январе похоронила мужа. («По лестнице уже не могу ходить... Сегодня я не встала... Да я и пришла в этот отпуск умирать...») Потрясают детали: «Я вчера читала целый день «14-е декабря» Мережковского, предварительно разорвав книгу пополам, т. к. не в состоянии держать в руках такую тяжесть». Она не пережила этих лишений: через два месяца после смерти мужа Татьяна скончалась от истощения. Последняя запись: «Это будет величайшее счастье для меня — исповедоваться и приобщиться Святым Тайн».

Вера Берхман (ее дневник озаглавлен «Записки оставшейся в живых») — родная сестра Татьяны. Как будто какой-то жестокий автор хотел закрутить авантюрный сюжет романа: сестра живая ищет могилу сестры умершей. «Медленно гаснет жизнь. Не представляю, что будет дальше с войной... Где ты, мирный вечерний звон? Где моя Таня?.. И будет ли какая близкая мне цель, или я так и гибну от этой слабости одна, в пустой квартире? Дров нет. Сердце пульсирует и болит». И ей же, мучительно раздумывающей в пустоте мертвой квартиры, принадлежит это отчаянное, душе-раздирающее: «Боже мой, Боже мой! Что случилось с душой, с людьми, с миром, со всеми нами? Мы не люди теперь, мы не понимаем, кого мы теряем, кого мы хороним и как хороним, а вот когда проснемся, горе с нами будет, как тяжело будет наше пробуждение, как мы ужасно будем плакать об утерянных днях, о наших преступлениях и об этих людях...»

Ирина Зеленская — совсем другая. Цитата из ее дневника, вынесенная в заглавие: «Когда я буду занята, то буду счастлива». Это активный, жесткий человек, не покладаящий рук и того же требующий от окружающих: «Есть сорт тонущих людей, которые не только сами уже не могут выплыть, но и с собой любого утопят. Почему-то нет у меня к таким жалости». Исследователь, она вдруг умеет взглянуть на ситуацию извне, как бы сверху, на эту ги-

бельную западню. Тщательно описывает окружающих, состояние города, свое здоровье — будто отделив от себя. Лишь бы быть занятой чем-то.

Спорит о том, почему умирают: «Он (собеседник) все-таки объясняет все физическими причинами. Я переносю центр тяжести на внутреннюю, волевою установку человека». Но и эта жесткая объективность кажется способом защититься от невыносимого ужаса реальности происходящего здесь и сейчас с тобой.

Эти женщины фиксировали на бумаге свои мучения, свои мысли, свое умирание — тщательно, подробно. Как будто уверены были, что это будет впоследствии важно, это будет прочитано и осознано.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Другая проблема — судьба Музея обороны и блокады Ленинграда в Соляном переулке, о котором особенно много будут говорить в юбилейный год. В 2014-м было решено, что музей частично переедет из Соляного переулка. Мы побеседовали о перспективах музея с его директором Сергеем КУРНОСОВЫМ, который также был на встрече.

— Сейчас в Санкт-Петербургском архитектурно-строительном университете прошел конкурс студенческих работ на идею-концепцию и на место музея. Мы прекрасно понимаем, что это не тот конкурс, который решит судьбу и определит образ нового здания. Но сам факт его проведения важен. Это демонстрация идей молодых незазорных людей, напоминание горожанам о музее. И это шаг в сторону уже профессионального архитектурного конкурса, который позволит говорить, что здание будет возведено. Пока что, конечно, много слов и мало дела. Но сроки определены, и если власти поддержат свое слово, то к концу 2015 года будет определено место для строительства нового здания. Из уст губернатора предложение уже прозвучало: рядом с парком Победы, на углу Бассейной улицы и проспекта Юрия Гагарина. Там город может начать строительство прямо сейчас. Есть, впрочем, много сомнений, так что точка в разговоре еще не поставлена. Губернатор обещал посоветоваться с общественностью, прежде всего — с блокадниками и ветеранами. И все действительно решалось открытым голосованием, причем участвовали представители тридцати ветеранских организаций. Так что на уровне согласования процесс идет.

«НЕ ВСЕ УМРЕМ, НО ВСЕ ИЗМЕНИМСЯ»

— Сын Татьяны Великотной Саша в это время был на фронте. И Татьяна пишет записки для него: «Саша, я хочу, чтоб ты знал, как мы тут жили и умирали». Вообще для чего-то это нужно было блокадным людям: чтобы их потомки знали и помнили, что с ними происходило, — рассказывает редактор книги писатель НАТАЛИЯ СОКОЛОВСКАЯ (на фото).

Так и случилось — но как же тяжело и

страшно читать эти записки. В предисловии они названы «катастрофой в реальном времени», и это ничуть не преувеличение: мы сами как будто входим в эту катастрофу, улавливаем отблеск того, как людей перемальвали голод, холод, болезни, как вымывалась из них сама человечность. Тем более потрясает, что многие, несмотря ни на что, сумели уберечь в себе этот слабый огонь.

— У апостола Павла в Послании к коринфянам есть слова: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся». О чем эти слова, я понимаю, когда стала читать блокадные дневники. Это именно то событие библейского масштаба, которое произошло здесь. Ни один прошедший блокадную голофду человек не вышел из нее неизменившимся. Литература, кинематограф пока не могут это

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся...»

Слова апостола Павла можно было бы взять эпиграфом к этой книге, повествующей о страстотерпении людей и города.

Здесь собраны блокадные дневники трех удивительных женщин, петербурженок-ленинграчек, в чью жизнь вторглись две Мировые войны: Ирина Зеленская и сестры Татьяна Великотная и Вера Берхман. На Первой войне они служили сестрами милосердия. На Второй войне оказались в осажденном Ленинградском блокаде. Но именно эти дневники, находящиеся за гранью человеческих пределов и сил духа.

Эта книга о том, что ленинградская блокада — не только «суровое время», когда побывало от истощения до блокады оказалось временем «привнесения воды к лодке», временем истовой работы советки, блокады «привнесения воды к лодке», временем «за любовь над своей похороненной женщиной».

«...Все эти люди, почти все, которые умерли, они до самой смерти, до последнего вдоха своего поднимали и поднимали знамя над плотью»

(из дневника Веры Берхман).

Записки оставшейся в живых

все передать. Только документалистика, — считает Наталия Евгеньевна.

Но на встрече в Музее Ахматовой рассказали: «Записки» не могли издать целый год. Причина — экономические проблемы издательства. И такие трудности терпят и другие напоминания о блокаде.

— Обязательно надо рассказать не только о нашей книге, — попросила нас Наталия Соколовская. — Геннадий Соболев, историк, издал труд «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая. Июнь 1941 — май 1942». И это просто базовая книга для петербуржца. В ней собраны документы, касающиеся и жизни внутри кольца, и того, что происходило вокруг города... Масса совершенно необходимых сведений о блокаде. «Книга первая» вышла тиражом 100 экземпляров. Хотя на самом деле она должна быть в каждой школе и уж точно в каждом вузе и библиотеке. По этой книге можно сверяться: а кто я? Меня волнует, что мои бабушки, прабабушки, прадедушки принимали здесь крестные муки. Сейчас Геннадий Леонтьевич заканчивает вторую часть. Вопрос финансирования пока не решен.

— Когда вы брались за сюжет из русской классики XIX века, не опасались того, что ваш фильм будет сравнивать с известными работами Михалкова, Андрея Кончаловского («Несколько дней из жизни Обломова», «Дворянское гнездо»)?

— Нет, потому что у каждого режиссера свое видение классики, свой почерк. Мне очень нравится, например, «Дама с собачкой» Хейфица, это вообще шедевр, по-моему. Вот если бы кто-то из них сделал «Месяц в деревне», тогда, может быть, я бы еще и подумала...

— Советский и российский кинематограф немало внимания уделял и уделяет и XIX столетию, и Великой Отечественной войне. Но есть и обделенные эпохи — Серебряный век, например. Нет фильмов о Брюсове, Блоке, Белом, Скрябине, практически нет картин на их сюжеты. Как вы считаете, должен ли и может быть восполнен этот пробел? Есть у вас желание снять что-то о Серебряном веке?

— Конечно, желание есть. Когда речь идет о каком-то талантливом человеке этой эпохи, который сделал для России что-то, что осталось на столетия. Конечно, о таком человеке хочется узнать больше, если ты знаешь его творчество... Вообще, чтобы понять художника, нужно понять его как человека. Есть ведь гениальный фильм о Чайковском со Смоктуновским в главной роли. Проблема еще и в том, что очень многие композиторы, музыканты, писатели Серебряного века уехали из России... Я за такие фильмы, чтобы это была не просто биография, а чтобы показать, как талант рождается, откуда.

— Почему вы пригласили в «Две женщины» именно Рейфа Файнса?

— Рейф Файнс — аристократ, он вообще уникальный человек и актер. Я его узнала в «Английском пациенте» и следила за его творчеством много лет.

Подготовил Федор ДУБШАН, фото Натальи ЧАЙКИ

ВСТРЕЧА

Вера ГЛАГОЛЕВА:

Я не стремлюсь куда-то выше, мне достаточно моего пространства

22 ЯНВАРЯ В ПЕТЕРБУРГЕ СОСТОИТСЯ ПРЕМЬЕРА ФИЛЬМА «ДВЕ ЖЕНЩИНЫ», СНЯТОГО ПО ПЬЕСЕ ТУРГЕНЕВА «МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ». НА ПРЕДПОКАЗЕ ПОБЫВАЛ КОРРЕСПОНДЕНТ «ВП» ВЯЧЕСЛАВ КОЧНОВ

«Изысканно печален» и «мучительно прекрасен» — такие слова вертелись у меня в сознании, когда я выходил из кинозала. В этом фильме с любовью и светлой печалью воссоздан мир помещиц-ей усадьбы середины позапрошлого столетия и ее обитателей — утонченных скучающих людей, мир, которого нет и уже не будет никогда. Можно долго спорить о том, правильно ли поступила Вера Глаголева, переделав комедию великого русского классика в мелодраму. Но надолго остающиеся волшебные послекуские — безусловный аргумент в пользу такого режиссерского решения. За час до начала сеанса нам удалось встретиться с Верой Витальевной, которая присутствовала на сеансе вместе с исполнителем одной из главных ролей Александром Балуховым и автором музыки к фильму композитором Сергеем Баневичем, и она любезно согласилась ответить на вопросы «Вечернего Петербурга».

— Когда вы брались за сюжет из русской классики XIX века, не опасались того, что ваш фильм будет сравнивать с известными работами Михалкова, Андрея Кончаловского («Несколько дней из жизни Обломова», «Дворянское гнездо»)?

— Нет, потому что у каждого режиссера свое видение классики, свой почерк. Мне очень нравится, например, «Дама с собачкой» Хейфица, это вообще шедевр, по-моему. Вот если бы кто-то из них сделал «Месяц в деревне», тогда, может быть, я бы еще и подумала...

— Советский и российский кинематограф немало внимания уделял и уделяет и XIX столетию, и Великой Отечественной войне. Но есть и обделенные эпохи — Серебряный век, например. Нет фильмов о Брюсове, Блоке, Белом, Скрябине, практически нет картин на их сюжеты. Как вы считаете, должен ли и может быть восполнен этот пробел? Есть у вас желание снять что-то о Серебряном веке?

— Конечно, желание есть. Когда речь идет о каком-то талантливом человеке этой эпохи, который сделал для России что-то, что осталось на столетия. Конечно, о таком человеке хочется узнать больше, если ты знаешь его творчество... Вообще, чтобы понять художника, нужно понять его как человека. Есть ведь гениальный фильм о Чайковском со Смоктуновским в главной роли. Проблема еще и в том, что очень многие композиторы, музыканты, писатели Серебряного века уехали из России... Я за такие фильмы, чтобы это была не просто биография, а чтобы показать, как талант рождается, откуда.

— Почему вы пригласили в «Две женщины» именно Рейфа Файнса?

— Рейф Файнс — аристократ, он вообще уникальный человек и актер. Я его узнала в «Английском пациенте» и следила за его творчеством много лет.

— Вам хотелось бы снять что-нибудь в Голливуде? Какой-нибудь сюжет?

— Нет, я не стремлюсь куда-то выше, мне достаточно моего пространства.

— Какую роль в ваших фильмах играет музыка?

— Большую. И то, что мы встретились и сотрудничаем с 1980 года с петербургским композитором Сергеем Баневичем, с которым меня и Родиона Нахепетова в свое время познакомил другой петербургский композитор, ныне, к сожалению, покойный Исаак Шварц. Сергей Петрович для меня совершенно родной человек. В 80-е, когда я приезжала в Ленинград сниматься, я останавливалась у него дома, тогда еще была жива его прекрасная мама. Все то, что я хочу от музыки в моих фильмах, он очень точно считывает. Его музыка не фоновая, она фактически отдельный герой моих фильмов, она прекрасна и в «Сломанном свете», в «Заказе», в «Одной войне». Я очень ценю дружбу с Сергеем Петровичем. Я расскажу вам об одной нашей общей идее, которую еще нигде не озвучивала: мы хотим на основе музыки Баневича к фильму «Две женщины» сделать очень красивый балет «Месяц в деревне». Будем надеяться, что эта идея в обозримом будущем воплотится.

— Знакомо ли вам чувство зависти к кому-то из ваших коллег — актеров или режиссеров? У вас есть ощущение, что кто-то сыграл вашу роль или снял ваш фильм?

— Нет, у меня нет чувства зависти, у меня есть чувство восторга, когда я понимаю, что это здорово, точно по игре, по восприятию, по режиссуре. Когда я понимаю, что я так просто не могу. Восторг перед людьми, которые вот так могут.

— Что вам самой нравится из современного российского кино?

— Мне нравится, как работает Хотиненко, его картина о Достоевском — по атмосфере, по потрясающей актерской игре...

— Вам хватает времени уделять внимание семье, детям?

— Хватает, во всяком случае мои родные не обижаются. Может быть, этого времени мало, но главное, что они не обижаются. Аня танцует в Большом театре и воспитывает дочь, Маша воспитывает двоих детей — у нее два мальчика, Настя окончила продюсерский факультет ВГИКа, сейчас определяется, что делать дальше. Внуки ходят в школу, все в порядке.

— Какое место в вашей жизни занимает Петербург, Ленинград?

— Огромное. С этим городом у меня связано очень много хорошего. О Сергее Баневиче я уже рассказывала. Кроме этого, Петербург для меня — это общение с прекрасными режиссерами Ильей Авербахом, Семеном Арановичем, Виталием Мельниковым, это огромный пласт жизни. Здесь снималось мое первое режиссерское кино «Сломанный свет».